
УДК 821. 161. 1

ББК 83. 3 (2=Рус) 6

С 66

Сосновский В.Т.

Профессор кафедры литературы Армавирского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, председатель Армавирской городской Думы, e-mail: armavirgorduma@mail.ru

**Тема коллективизации в повести
«Друг мой Момич» К.Д.Воробьева
(Рецензирована)**

Аннотация:

В статье рассматривается повесть известного русского писателя К.Воробьева «Друг мой Момич». Анализируя данное произведение, автор статьи отмечает её высокие художественные достоинства, гражданское мужество К.Воробьева, который одним из первых в советской литературе показал коллективизацию в деревне как необычайно сложный, противоречивый процесс, сопровождаемый многочисленными негативными моментами, отразившимися как на судьбах деревни, так и на судьбах русских крестьян.

Ключевые слова:

К.Д.Воробьев, деревенская проза, коллизия, сюжет, повесть, стилевые особенности формирования жанров.

Sosnovsky V.T.

Doctor of Philology, Professor of Literature Department of the Armavir State Pedagogical University, Chairman of the Armavir Town Council, e-mail: armavirgorduma@mail.ru

**Collectivization theme in the story
«My Friend Momich» by K.D.Vorobyev**

Abstract:

The paper deals with the story of the well-known Russian writer K.Vorobyev «My Friend Momich». Analyzing this work, the author marks its high artistic advantages and civic courage of K.Vorobyev who was one of the first writers in the Soviet literature who has shown collectivization in village as an extraordinary complicated, inconsistent process which was accompanied by the numerous negative events, reflected both on destinies of village, and on destinies of Russian peasants.

Keywords:

K.D.Vorobyev, rural prose, collision, plot, the story, style features of genre formation.

Константин Дмитриевич Воробьев (1919-1975) имеет стойкую репутацию отличного «военного» прозаика. «Крик» и «Убиты под Москвой» - это уже хрестоматийные страницы военной прозы. Но он прозаик и деревенский, и не менее замечательный: деревенская тема представлена у Воробьева целым рядом взаимос-

вязанных и вовсе не периферийных в его творчестве повестей и рассказов, рисующих историю русской деревни от трагедии Гражданской войны («Сказание о моем ровеснике») до разлада современной писателю колхозной жизни («Почем в Ракитном радости»). Самая же главная деревенская книга Воробьева – «Друг мой Момич».

Повесть «Друг мой Момич» (1965) отчасти знакома читателю, поскольку примерно три четверти ее объема печатались под названием «Тетка Егориха» (этот вариант датирован 1966 г.). Но различия столь существенны, пропущенные ранее фрагменты столь принципиальны в контексте всего творчества Константина Воробьева, что «Момич» читается как новое произведение. Время действия в «Момиче» - 1928-1930 гг. Когда начинается дружба («перекрут») мальчика-сироты (он же - рассказчик) с богатым мужиком Максимом Мотякиным, по прозвищу Момич, героям соответственно десять и пятьдесят лет. Момич и его хозяйство производят на мальчика впечатлительное чего-то богатырски-былинного: «По проулку к реке большой-большой мужик ведет в поводу жеребца... Жеребец черный, как сажа, и сам мужик тоже черный - борода, непокрытая голова, глаза. Белые у него только рубаха и зубы». Под стать Момичу и его хозяйство, составляющее с ним одно неразрывное целое: «Выходившие на огород ворота, сколоченные из толстых сосновых плах, висели на приземистой круглой верее, тоже чем-то напоминавшей Момича. Сразу же за ними меня обдавало прохладой чистых закут и оторопью, - тут опять все походило на хозяина: черный кобелина на длинной привязи, черный молчаливый петух, презрительно глядевший круглыми желтыми глазами, бурдастый черный бык-двухлеток, приветно укладывавший голову на варок при подходе Момича. Меня пугала величина вил - об двенадцати рожках и с такой ручкой, что она годилась бы

на оглоблю, удивляла строгость и подобранность всего двора - тут не было того вольного запустения и той первородной гущины калачника и крапивы, к которым я привык у себя» [1]. У себя - значит на бедном дворе, где мальчик живет вместе с дядей, придурковатым ленивым мужиком по кличке Царь, и его женой - теткой Егорихой. Собственно, и подоплека дружбы мальчика с вдовцом Момичем (у него есть дочь Настя) проста - Момич и Егориха любят друг друга. Их любви посвящены самые светлые и, как ни странно прозвучит (для нечитавших), «музыкальные» страницы книги. «Момич» не просто написан рукой мастера, он без преувеличения принадлежит к наиболее высокохудожественным созданиям деревенской прозы вообще. Особое обаяние придает повести сильно выраженное, как ни в одной другой книге Воробьева, музыкальное начало его динамичного реалистического письма. Музыка эта начинает звучать с первых фраз, неумолимо увлекая читателя к трагической развязке повести.

Все ситуации, все повороты сюжета (главные мы отметим чуть позже) психологически убедительно выявляют в Момиче черты именно нормального человека. Даже хозяйство его выглядит нормой не в статическом смысле, а как выражение идеального «лада». Напротив, его недруги и разорители несут в себе черты выморочности (не забудем, что для ребенка-рассказчика зло и уродство неразделимы). Сгорела Момичева клуня (помещение для снопов); как можно догадаться, поджег ее Царь, ревнующий свою жену к соседу, но еще более ревнующий к чужому достатку. Писатель не случайно отмечает «просветленно-радостный взгляд» Царя после пожара. Свет в глазах - от чужого разора. Глупа и некрасива учительница, присланная из города, но она тут пришлая, а вот Серега Бычков, по кличке Зюзя, сын побирושки, ставший председателем сельсовета, вполне свой. Зюзя - вовсе не «идейный» разоритель, а обык-

новенный мародер, дорвавшийся до власти. Когда он приходит с комиссией в дом Егорихи выяснить, почему она не вступает в колхоз, мальчик сразу узнает на нем кожанку, сапоги и полосатый шарф Настиного жениха, раскулаченного Романа Арсенина. «Не привык пока, видно, к богатой одежде», - простодушно истолковывает мальчик Зюзину неловкость.

Коллективизация как разорение, голод в деревне, «кулаки» как рухнувшая опора крестьянского мира, коллективизаторы как грабители - все это описано у Воробьева до «Канунов» Белова, до «Мужиков и баб» Можаяева, до «Касьяна Остудного» Ивана Акулова, до тендряковской «Пары гнедых»... И описано без стыдливых умолчаний, без реверансов перед неколебимыми тогда социологическими схемами. У Воробьева односельчан раскулачивают конокрады! Некогда, еще до «перелома», знаменитый «профессионал» Сибилёк и «любитель» Зюзя пытались увести у Момича его жеребца, но тот поймал их, связав, привез в деревню - что ему, богатырю, эти двое. Конокрадов же (в одну ночь, случалось, пускавших по миру целую крестьянскую семью) положено было «убивать обществом», но мальчик вступает за Зюзю, и Момич в последний момент останавливает убийство. Зюзя же только затаивает злобу: я отомщу! За что? И вот сцена поистине символическая: те же конокрады на законных основаниях от имени советской власти выводят из конюшни Момичева коня [2]. Сибилёк держал его не за узду, а за ноздри «двумя пальцами, и жеребец стоял понуро и смиренно». А что же Момич? Он стоит на коленях и сгребает, как поначалу кажется мальчику, руками снег. Момич «сказал недоуменно и неверяще:

- Живые...

В снегу копошились и елозили пчелы...» Коллективизаторы разломали зимой ульи, чтобы увезти мед, тянут в сани ковер, швейную машинку... Мальчику кажется, что его взрослый друг сейчас

подыметя и разнесет в пух и прах своих врагов, но Момич «заморенно оперся на мое (мальчика! - В.С.) плечо, и мы пошли...» Рухнул мир, опорой которого был Момич и который ему самому давал опору, ощущение смысла жизни и работы, гордости за свое дело. Разорен, по существу, целый миропорядок, и сила оставляет бывшего хозяина Мотякина.

На глазах у мальчика закрывают местную церковь, отрекается от бога дрогнувший перед насилием священник - сцена, одна из сильнейших в повести, раскрывающая пропасть между представителями власти и безмолвствующим народом (один Момич подает голос за попа, и то когда на собрании гаснет свет). Камышинская церковь существовала как бы отдельно от «оглядно-ручного мира, в котором я жил с теткой и Момичем. В нем все было понятно, и я знал, что и откуда к нам пришло: Момичеву клуню (после поджога. В.С.) мы поставили вдвоем - я и он. Все хаты, сараи, плетни и ветряки тоже построили люди... Тут все было нужным и мне близким, а в церкви этот мой мир почему-то тускнел и уменьшался, а большим и недоступно-ярким делалась только она сама. Я не решался подумать, что ее тоже построили люди...» Мальчик еще не догадывается, что есть связь между разорением непонятного ему мира церкви и разорением его «оглядно-ручного» мира, но в ответ на приглашение Митяры Певнева (того прислали заведовать избой-читальней) ломать иконостас мальчик, повинувшись верному нравственному инстинкту, убегает от него; потом из обломков иконостаса он подберет «шары» и «боженят», а тетка украсит ими бедную избу, но ненадолго - и над их домом нависла тень все того же тотально-го (как бы сверхличного) насилия.

Вместо креста на церкви водрузили «большой и веселый» флаг, но к этому времени бабы, одни, без мужиков, развели по домам из общей конюшни лошадей, разнесли сено и потребовали от Ми-

тяры и Андрияна поставить сброшенный ими крест на место («...а те не знали как - сверзить – то легче»). Примчался на лошади милиционер Голуб (тот, что издевался над священником), налетел на баб, и одна только Егориха не побежала, а вскинула руки к конской морде, как бы останавливая налетающую беду. Голуб «выстрелил из нагана незвонко и хрупко, будто сломал сухую ракитовую хворостину», оборвав ее жизнь. Опасности для Голуба не было никакой, но он изначально (может быть, еще с Гражданской войны) настроен на насилие - это его «норма». И еще: он внутренне неспокоен, нет ощущения прочности (нравственной прочности) своего положения, он ждет от жизни подвоха, удара, возмездия. И скорее всего Голуб сам попал бы в сталинскую мясорубку, обойди его в 1930-м пуля Момича.

В усеченном варианте повести Момич случайно (или не случайно) встречается Голуба на дороге: *«Наверно, они ни о чем не говорили, и Момич молчком связал Голуба, а потом воссадил на седло и отпустил. Голуб так и появился в Лугани - связанный... Нет, Момич не взял ни нагана, ни сабли, - их потом нашли в Кобыльем логу милиционеры из Лугани. Сабля была поломана на две части, а наган со всем на кусочки...»*. Вскоре Момича забирают - навсегда. В полном, ныне опубликованном варианте, Момич, увезенный после раскулачивания вместе с дочерью Настей (она погибнет), через некоторое время возвращается один, но с винтовкой; на глазах мальчика он убивает Голуба («Пускай теперь знает!» - комментирует Саня). В одной из статей доктор экономических наук Г. И. Шмелев первым решился печатно заметить, что так называемый кулацкий террор был слабой и запоздалой попыткой крестьянской самообороны или, добавлю, местию за разорение, но у Воробьева в повести 1965 г. об этом уже, в сущности, говорится. Вдумаемся: главный, безусловно положительный герой, притом «кулак», убивает ми-

лиционера (можно сказать, исполняющего свои обязанности), и этот поступок не только не вызывает у читателя нравственного протеста, но, напротив, ощущается как пусть частичное и временное, но восстановление поправленной справедливости (есть правда на земле...).

После убийства Голуба рассказчик Саня и Момич уходят из родных мест в разные стороны - иной автор поставил бы тут окончательную точку, но у Воробьева идет еще эпилог, в котором картина разоренной коллективизаторами деревни, голода, бегства Сани и Момича сразу переходит в бегство молодого лейтенанта, того же Александра, с остатками разбитого отряда из-под Белостока на Минск [3]. В избушке лесника рассказчик внезапно натывается на Момича, давно живущего здесь под чужой фамилией.

« - Все носишь обиду?»

- Надо б, да не на кого, - повернулся он ко мне. - Кабы оно не на наших дрожжах то тесто взошло. Ить не германец же с туркой греб нас?

Я заплакал внезапно и несуразно...

- Ну во-от! Ты чего это!

- А ты не знаешь, да? Не знаешь? - спросил я его обо всем сразу - о тетке Егорихе, о нем самом, о Кашаре (место, где убили Голуба. - В.С.), о моем вчерашнем болоте, о Минске...» И продолжим: об отступающей армии, о разоренной земле... Они прощаются, и Александр с бойцами уходит на соединение со своими.

Собственно, повесть на этом (внутренне) кончается, но есть и еще один абзац: возвращаясь по тем же местам с наступающими на запад войсками, Александр пытается найти Момича и узнает, что его повесили немцы за связь с партизанами. Концовка эта представляется излишней не потому, что Момич по логике своего характера не мог сделать подобного выбора - как раз мог; но для нас (читателей) герой уже и так хорош, мы и так на его стороне. Может быть, автор надеялся

сделать своего «сомнительного» героя более приемлемым для «инстанций» (повести он этим тогда не спас), но есть и иное (так сказать, генетическое) объяснение последнего абзаца. Сравним повесть с более ранним рассказом «Ермак», тоже написанным от лица мальчика, но на этот раз его взрослый друг и кумир - председатель сельсовета Никифор Хомутов: «...три дня (в 1930-м. - В.С.) я почти не ночевал дома, свозя добро раскулаченных в сельский кооператив. С этим делом я справлялся легко и радостно, - в моей жизни мало было увлечений, захватывающих дух, разве только качели!» Мальчик участвует в раскулачивании бывшего шахтера Ермакова, по сюжету чуть ли не своего отца. Во время войны его, молодого лейтенанта (!), забрасывают к партизанам, и он узнает в командире отряда Ермака, а в комиссаре - Никифора Хомутова. Они - бывшие разоритель и разоренный. Друг в друге души не чают. Рассказчик понять это не в состоянии и по-

лучает от своего кумира раскатистое «дуррак!». Кончается рассказ гибелью Ермака в бою с фашистами.

Как молодой лейтенант - сквозной герой военной прозы Воробьева, так и мальчик - сквозной герой его деревенской прозы (деление, понятно, условное). Подоснова военных и деревенских страниц Воробьева явно автобиографична, можно долго перечислять переходящие из произведения в произведение ситуации и характеры. Писатель все время ходит около одних и тех же жизненных коллизий, поворачивая их то так, то эдак, двигаясь ко все большей внутренней свободе, писательской честности - до последней ясности (как в «Момиче») [4], как бы не в силах вырваться из поля притяжения чего-то очень личного и болезненного в своей судьбе.

Это личное у Воробьева совпадает с самыми существенными и трагическими поворотами в жизни народа.

Примечания:

1. Текст повести цитируется по изданию: Воробьев К.Д. Повести. М.: Сов. Россия, 1985. С. 293.
2. В «Тетке Егорихе» сцены раскулачивания нет. Чтобы объяснить, как «кулак» Момич избежал раскулачивания, автор в «Тетке Егорихе» перенес время действия на два года назад - в 1926-1928 гг. (в «Момиче», напомним, - 1928-1930-й). Можно долго перечислять, чего нет в «Тетке Егорихе» по сравнению с полным текстом, но даже этот изуродованный вариант Игорь Золотусский в статье 1981 г. поставил рядом с прозой Андрея Платонова. Что же говорить о «Момиче»!
3. Как результат благословенной полугласности воспринимаются сегодня утверждения, что без трагедии 1929 г., возможно, не было бы и трагедии 1941-го, а у Воробьева это фактически изображено в 1965-м!
4. Особенно эта «ясность» разительна в сравнении с ранней повестью «Одним дыханием» (1948), в которой суровые картины послевоенной литовской деревни осмыслены точно в границах «ортодоксальной» схемы «классовой борьбы» в Прибалтике.